

Оригинални научни рад
Примљен: 31. јануара 2025.
Прихваћен: 14. фебруара 2025.
УДК 821.161.1.09-3 Стругацки А. Н.
821.161.1.09-3 Стругацки Б. Н.
doi.org/10.46630/phm.17.2025.12

Ненад Дж. Благоевич¹

Универзитет в Нише,

Филозофски факултет

<https://orcid.org/0000-0001-5303-0180>

О МОРАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ (НЕ)ВМЕШАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ²

В шестидесятые годы XX века известные авторы русской школы научной фантастики братья Стругацкие публикуют серию произведений, посвященных морально-этическим обязательствам человека, оказавшегося в сложных обстоятельствах. Фантастика в их произведениях являлась всего лишь допущением, введенным с целью серьезного рассмотрения морали и ответственности человека в современном мире, при чем особое значение было в том, что авторы не были заложниками ни одной в это время актуальной идеологической системы, а всегда оставались преданными принципам гуманизма. Повесть *Обитаемый остров* (1969г.), которая в силу своей сложной структуры охватывает широкий круг вопросов, имеющих важное значение как в мире в котором авторы жили и творили, так и в современном, продолжает привлекать интерес как читателей, так и исследователей. В настоящей работе акцент ставится на проблеме вмешательства и связанных с нею моральных вопросов. Понятие «вмешательства» рассматривается в соответствии с теорией литературоведческого исследования концептов, предложенной В.Г. Зусманом, и идеями Р. Барта об аспектах смысла, которые читатель может вложить в текст. Учитывая то, что моральная сторона проблемы вмешательства и на сегодняшний день является актуальной, эта повесть братьев Стругацких как-будто преобразуется в текст предупреждения.

Ключевые слова: «Обитаемый остров», братья Стругацкие, вмешательство, жанр предупреждения, научная фантастика.

В течение шестидесятых годов XX века российские писатели братья Стругацкие окончательно оформили свою концепцию научной фантастики, в основе которой была социальная критика. В это время появляются такие произведения, как *Далекая Радуга* (1963 г.), в котором рассматривается проблема морального выбора человека, оказавшегося в затруднительном положении, потом роман *Хищные вещи века* (1965 г.), в котором находим достаточно гротескное описание потребительского общества в будущем и, напоследок, роман *Сказка о Тройке* (1968 г.), представляющего собой жесткую сатиру на бюрократический социализм. Социальная критика и сатира в творчестве братьев Стругацких таким образом охватывает некоторые из ключевых проблем общества как в XX, так и в XXI веке, и

¹ nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs.

² Припремљено у оквиру пројекта “Дух Русије кроз језик, књижевност и културу током четврт века постојања департамента за руски језик и књижевност на Филозофском факултету у Нишу”, који се изводи на Филозофском факултету Универзитета у Нишу (бр. 423/1-3-01).

сами писатели не воздерживались от критики любой идеологической системы, не взирая на то, идет ли речь о капитализме или социализме. В это время упоминаемые произведения еще не были связаны единым повествовательным метамиром братьев Стругацких («мир Полудня»), но их связывала общая тема глобального нравственного кризиса 60-х и идеологического противостояния США и СССР.

В данный контекст входит и их повесть *Обитаемый остров* (1969 г.), в котором фантастическое допущение как условие повествования реализуется посредством временной дистанции, т.е. перемещением действия в далекое будущее. Не случайно, что первая часть повести озаглавлена «Робинзон», так как сюжет выстроен вокруг приключения космического странника, который, покинув Землю в поисках далеких инопланетных миров, попадает на один из таких «островов», населенным, в отличие от главного героя романа Даниэля Дефо, крайне специфической инопланетной цивилизацией. Здесь повествование становится еще интереснее, поскольку этот космический Робинзон, которого в повести братьев Стругацких звали Макс Каммерер, оказался представителем утопической земной цивилизации, которая в технологическом и во всех других смыслах значительно превосходит «первобытную» цивилизацию «аборигенов» планеты Саракш, на которую приехал главный герой. Интересно, что за исключением короткого вступительного раздела и некоторых физических и психологических характеристик главного героя, в этой повести очень мало места уделяется утопическому будущему самой человеческой цивилизации, в то время как внимание читателей сосредоточено на инопланетной цивилизации, которая опустошена внутренними конфликтами, тоталитарной идеологией и применением атомного оружия. Такой подход братьев Стругацких – не новшество, а хорошо разработанный метод аллегорической трактовки повседневной жизни, в которой жили и творили авторы. Описание вышеупомянутой инопланетной цивилизации – не более чем своего рода аллегория на мир, в котором сбылись самые большие страхи человечества.

Этот, на первый взгляд простой и обычный для фантастики сюжет, послужил братьям Стругацким хорошей основой для того, чтобы задать некоторые существенные вопросы о моральном облике человека во второй половине XX века. В тривиальный сюжет о контакте человеческой и инопланетной цивилизации авторам удалось вместить проблему средств массовой информации и пропаганды, ядерной энергии и оружия, моральный аспект технологического развития, проблему языка и коммуникации, психологию т. н. «стражей порядка», вопросы терроризма, идеологии, государства, проблему вмешательства, а также обычные для классической русской литературы вопросы смысла жизни и смерти, добра и зла и т.п.

Из всех перечисленных тем, затронутых в данной работе³, мы особое вни-

³ Моральная сторона вмешательства на примере повести «Обитаемый остров» уже была предметом исследования в статье «Коммунистическая мораль в отступлении (проблема нравственного прогресса в советской фантастике 1960-х годов. А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом», «Обитаемый остров»)» (2011: 160-168) Т.В. Шоломовой. Шоломова в своей работе дает подробное разъяснение истории появления повести и споров вокруг нее, тогда как моральная составляющая интерпретируется вокруг околотитературных идеологических споров. Мы бы, однако, не сводили творчество Стругацких к выполнению любого социального, тем более идеологического заказа, и поэтому предлагаем иную, более широкую интерпретацию моральной проблемы вмешательства на

мание уделяем проблеме вмешательства, а именно моральной стороне вмешательства.⁴ Под понятием «стороннее вмешательство» мы здесь понимаем разнообразные модели вторжения в чьи-либо дела, отношения, т.е. деятельное участие в них [МАС 1985: 187]. Однако, критерии оценки стороннего вмешательства до сих пор вызывают горячие споры в политической, дипломатической, академической, военной и др. сферах. Можно сказать, что основу полемики о моральном аспекте вмешательства положил британский философ Джон Стюарт Милл в своем эссе «Несколько слов о невмешательстве» (1859 г.). Милл в своем эссе допускает возможность военного вмешательства в определенных ситуациях, – в случае борьбы с варварскими народами, при значительных нарушениях прав человека, или во время революции [КУМАНЬКОВ 2015: электронный ресурс]. При этом, моральная сторона этого вмешательства обосновывается необходимостью установить мир и благополучие с помощью силы. На базе этого аргумента Дж. Ст. Милля уже в период после Второй мировой войны начинается концептуализация т.н. «гуманитарной интервенции» и целого ряда других, в том числе невоенных форм вмешательства. Здесь хотелось бы напомнить, что в период написания повести мир сталкивался с настоящим потоком вмешательств со стороны двух ведущих на тот момент противоборствующих мировых держав.

Говоря в контексте повести *Обитаемый остров*, братья Стругацкие создают сюжет, основанный на перестановке ролей – где земная цивилизация играет роль более продвинутой, а инопланетная цивилизация отстает во всем, особенно по вопросу нравственных ценностей. Такая постановка вопроса, в сущности, подчеркивает очень распространенную в творчестве Стругацких тему, а именно смысл технического прогресса, в центре внимания которого не находится онтологическое развитие человека. Таким образом, описание далекого мира Саракш создает убедительную картину планеты, опустошенной войнами и техногенными катастрофами. [СТРУГАЦКИЕ 1971: 37] Весь научно-технический потенциал этого мира поставлен на службу уничтожения противников, и за гегемонию на этой планете постоянно борются несколько государств – Земля Отцов, Хонти, Пандея, Островная Империя и др. Авторы создают убедительную аллегорию на войны первой половины XX века, которые привели к гибели миллионов людей.

Уже в начале повести главный герой оказывается в ситуации, когда ему предстоит сделать свой первый моральный выбор, который повлияет на судьбу коренных жителей острова, – ввязаться в конфликт, который он не может понять, и встать на сторону тех, с кем он никак не может связаться. Правда, авторы старательно излагают в повести последовательность событий, задача которых заключается в том, чтобы читатель поверил в ситуацию безысходности, которая во многом влияет на действия главного героя Макса Каммерера. Однако, в восприятии читателем примера этой повести.

4 В интерпретации текста через концепт вмешательства опираемся на предположение В.Г. Зусмана о том, что «концепт – это такой образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [ЗУСМАН 2003: 14]. Кроме того, хотелось бы упомянуть и знаменитую констатацию Р. Барта о том, что «любой читатель находится в ситуации своеобразного «диалога» по отношению к произведению... и это позволяет в зависимости от контекста выявлять такие аспекты смысла, которые интенционально никак не фокализированы» [БАРТ 1989: 33].

телей эти действия не столько характеризуют главного героя, сколько ставят перед самими читателями вопрос об оправданности вмешательства в чужие конфликты, даже если к этому вынуждают объективные обстоятельства. На самом деле в этом произведении братья Стругацкие весьма эффективно играют с восприятием читателей, тщательно дозируя информацию о героях и ситуациях, в которых они оказываются, и тем самым влияют на наше мнение об их положительном или отрицательном характере. На игровой характер прозы Стругацких, и в частности, повести *Обитаемый остров*, часто указывает и Татьяна Чернышева в своей книге *Природа фантастики* [ЧЕРНЫШЕВА 1985: 83, 176, 287-288, 320-323, 326, 328-329].

С одной стороны, невмешательство Каммерера в процессы, происходящие в ином мире, было бы оправдано с позиции сторонников теории, отстаивающей естественный, онтологический путь развития общества, где царит несправедливость, хаос и преступность, как сопутствующий опыт, который необходимо пройти на пути к установлению более справедливых общественных отношений. С другой стороны, выбор главного героя одновременно выражается в виде готовности нарушить принцип невмешательства ради общего блага и высших интересов, – принимая одну из сторон, Каммерер выступает против зла и несправедливости, что почти всегда характеризует систему ценности любого общества. Именно в этот принцип упирается концепция современной политики, получившая название «гуманитарное вмешательство». Однако, братья Стругацкие значительно усложняют этот вопрос, так как в восприятии читателями обоснованности вмешательства великую роль играет объем информации, которую авторы тщательно дозируют в соответствии с динамикой сюжета в повести, что приводит к неожиданному изменению характера каждого сделанного выбора. Это, соответственно, наводит и самых читателей на мысль об условности восприятия моральной правильности или неправильности своих прежних решений. Правда, такой вид моральной «нестабильности» героя в ходе повествования не произвел исключительно положительное впечатление у всех читателей и критиков, из-за чего появлялись и критические отзывы на тему нравственной составляющей произведения (см., например, СЕРБИНЕНКО 1989: 242-255).

Как бы ни было, впечатленный искренним энтузиазмом, с которым население Страны Отцов поддерживает свою правящую элиту, так называемых Неизвестных Отцов, главный герой Макс Каммерер становится частью их военной организации с целью защитить своих новых друзей от жестоких действий врагов. При этом, об этих «врагах» главный герой на тот момент мало чего знает. Иллюзия Макса Каммерера будет разрушена в тот момент, когда его новые «друзья» ставят его перед очередным важным моральным выбором: чтобы доказать свою преданность, он должен казнить группу так называемых «врагов государства», в повести описанных как «мутанты», появившихся в результате применения ядерного оружия. [СТРУГАЦКИЕ 1971: 56] Максим, выступающий в повести в роли воплощения идеи советского «нового человека», представителя не только технологически и физически совершенного человечества, но и превосходного в нравственном плане⁵, без долгих раздумий принимает решение освободить пленных

5 Об отношениях творчества Стругацких и официальной идеологии СССР написано немало работ, среди которых наиболее часто упоминается книга польского исследователя Войцеха Кайтоха *Бра-*

и оказать сопротивление его бывшим товарищам. Стоит отметить, что эта сцена в повести позволила авторам включить в сюжет еще один аспект нравственной проблематики, а именно абсурдность веры в то, что в «идеальном» обществе будущего человек будет избавлен от мучительного процесса принятия решений и несения моральной ответственности за их последствия. Вот почему главный герой, несмотря на свою нравственную «непогрешимость», внезапно оказался в сложном моральном конфликте, где каждый его следующий шаг наносит все больше вреда и страданий чуждому миру, при всем его желании соблюдать искреннюю гуманистическую этику, которая управляет его поступками. И. Бестужев-Лада считает, что оформленная таким образом психология и логика героя привела к излишнему упрощению сюжета, отчего повесть теряет должную убедительность как средство пропаганды передовых идей [БЕСТУЖЕВ-ЛАДА 1969: 4].

Истинный характер Страны Отцов полностью раскрывается для Каммерера в тот момент, когда он связывается с членами той самой организации, членом которой он должен был казнить. Теперь читателям представляется другая сторона истории мира Саракш, где Страна Отцов описывается как тоталитарное государство, которое само угрожает своим соседям, а не наоборот. При этом, многие ранее описанные мотивы получают совершенно другую трактовку. Например, выясняется, что так называемые системы противобаллистической обороны, которые в начале повести Макс Каммерер защищал от «злых» террористов, на самом деле являются башнями, при помощи которых население облучается, и которые вызывают невыносимые головные боли у мутантов (если отвлечься от поэтики научной фантастики, то эти башни легко можно отнести к метафоре для теле- и радиовышек, см. СТРУГАЦКИЕ 1971: 65). Описание Страны Отцов, на этот раз поданное с точки зрения мятежников, приобретает очертания фашистского государства, – попытка уничтожения целой социальной группы, «мутантов», их настойчивое выделение из массы остального населения является явной аллегорией на расовую политику, в то время как система агрессивной пропаганды и всеобщей милитаризации также указывает на истинный характер этой страны.⁶ Таким приемом авторы пытаются заставить читателя задуматься на тем, как они воспринимали Страну Отцов в начальном и последующем описаниях, так как в зависимости от известных нам данных меняется и наше понимание моральной приемлемости действий разных сторон. Хотя Макс Каммерер и превращается из гвардейца, блюстителя порядка в

тья Стругацкие, в которой Стругацкие рассматриваются как сторонники марксизма. Однако, для более конкретного понимания идеологической позиции братьев Стругацких советуем ознакомиться с некоторыми главными интервью, которые они давали на протяжении многих лет. Кроме того, будет целесообразно изучить статью Татьяны Николаевны Бреевой «Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких „Мир полудня“» [БРЕЕВА 2015: 226—235].
⁶ Интерпретацию Страны Отцов из повести как образца фашистского государства находим в подавляющем большинстве работ, написанных на тему *Обитаемого острова*. Например, Е. Брандис считает, что текст направлен против «фашистского мракобесия, коллаборационизма и потребительской мещанской идеологии» [БРАНДИС 1969: 198-206.], И. Бестужев-Лада рассматривает повесть как памфлет на фашизирующуюся современную цивилизацию «свободного мира» [БЕСТУЖЕВ-ЛАДА 1969: 4.], тогда как А. Громова пишет о том, что братья Стругацкие исследуют фашизм как явление, а не как исторический факт, и поэтому определенная историческая конкретность отсутствует [ГРОМОВА 1970: 6].

Стране Отцов, в террориста, идейного врага этого самого государства, отношение к его действиям не может быть однозначным именно в силу отсутствия информации об истинной природе ситуации, в которой он находится. Единственное, что не подлежит сомнению, это то, что с каждым последующим шагом главный герой все глубже вовлекается в чужой конфликт, и попадает во все большую проблему.

В дальнейшем ходе действия повести Каммерер решает возглавить атаку на одну из упомянутых «башен», то есть радиационных вышек, несмотря на свое несогласие с действиями движения сопротивления [СТРУГАЦКИЕ 1971: 67]. Нельзя сказать, что нерешительность главного героя вызвана страхом или какой-то другой причиной, скорее, речь идет о проблеме морального выбора. Максим прекрасно понимает, что его действия приведут к жертвам среди бойцов гвардии Страны Отцов, а поскольку он уже познакомился с «человеческими лицами» гвардейцев через образы Гая и Рады Гаал, ему очень сложно участвовать в этих действиях. Его решение принять участие в этой акции в конечном итоге было обусловлено желанием свести к минимуму отрицательные последствия конфликта двух сторон. Но, как впоследствии выяснилось, вся эта операция была ловушкой, расставленной службами безопасности Страны Отцов, и после неудавшегося нападения Макс укрывается в доме гвардейца Гая Гаала и его сестры, которую он спас от «террористов» в начале повести.

Очередной момент, раскрывающий моральную сторону повести, касается диалога между Максимом и семейством Гаал, где главный герой пытается донести до верноподданных граждан Страны Отцов те секреты, которые он узнал от мятежников [СТРУГАЦКИЕ 1971: 75]. Диалог заканчивается тем, что семья Гаалов приходит к выводу, что мутанты «промыли мозги» бедному Максиму. Братьям Стругацким удалось этим диалогом убедительно показать всю силу пропаганды и ее влияния на восприятие реальности. Та «реальность», в которую верит семья Гаал, перевешивает все сообщаемые Максимом аргументы и факты. Здесь важно отметить вопрос этики в рамках идеологической пропаганды, так как проблема выбора неразрывно связана с всевозможными техниками влияния на сознание того, кто выбор принимает. В своей уже знаменитой работе «Техника пропаганды во время мировой войны» Гарольд Лассуэлл определяет пропаганду как целенаправленное воздействие на сознание и эмоции массовой аудитории и проводит широкий обзор разнообразной техники такого воздействия, где хотелось бы выделить следующие слова:

«Пропаганда пытается управлять мнениями и установками путем прямого манипулирования социальным внушением, а не путем изменения других условий в среде или организме. Пропаганда – один из трех главных инструментов ведения операций против военного противника: – военное давление (принуждающая мощь сухопутных, морских и военно-воздушных сил); – экономическое давление (вмешательство в доступ к источникам сырья и материалов, рынкам, капиталу и рабочей силе); – пропаганда (прямое использование внушения)». [ЛАССУЭЛЛ 2021: 55]

Поэтому Максим в диалоге с семейством Гаал попадает в ситуацию, где вследствие влияния пропаганды он никак не может объяснить логику своих поступков, хотя

они и с чисто гуманистической точкой зрения являются оправданными.

Кроме того, диалог Максима с семейством Гаал послужил автору для осмысления дальнейшего хода сюжетного действия – сцена заканчивается прибытием сил безопасности и арестом Максима и всех членов семьи Гаал. Бездействие суперчеловека Максима здесь легко мотивируется желанием не подставить под удар судьбы своих друзей. Это позволило авторам ввести в повествование очередное перевоплощение героя, на этот раз из террориста в заключенного исправительной колонии, которому поручено разминировать минные поля и возвести новые башни «противобаллистической защиты» [СТРУГАЦКИЕ 1971: 86-89]. В лагере для военнопленных Максим знакомится с бывшим психологом, бунтарем Алу Зефом, который играет роль очередного «учителя» главного героя, расширяя сферу его познания мира Саракш.⁷ Таким образом, Максим находит новую мотивацию для вмешательства, опять с целью помощи Стране Отцов. После побега из исправительно-трудового лагеря Максим пытается собрать большую группировку противников Страны Отцов, чтобы совместными действиями повлиять на смену режима в этой стране. Однако, на этом пути главный герой столкнется с очередным переворотом сознания, когда, попав в Островную Империю ради поиска союзников, он поймет тщетность своего плана, – в одной из подводных лодок Островной Империи Максим обнаружит следы ужасных преступлений, которые это государство совершило против населения Страны Отцов [СТРУГАЦКИЕ 1971: 117]. В этот момент Максим понимает, что даже его потенциальные будущие союзники ничем не лучше тоталитарного режима Страны Отцов. Здесь братья Стругацкие указывают на одно из самых распространенных заблуждений при планировании и осуществлении интервенционистских кампании – тщетную веру в то, что порядок, пришедший на смену коррумпированному в результате революционного вооруженного вмешательства, обязательно будет лучше.

Своеобразной кульминацией повести можно назвать описание начала войны между Страной Отцов и государством Хонти. Здесь братья Стругацкие дают ряд описаний военной истерии, которые убедительно передают гипнотическое опьянение масс пропагандистской машиной и высокий заряд ненависти к образу врага. Описания самого военного сражения не менее убедительны, и своей детализацией выполняют двоякую роль – с одной стороны, они прекрасно вписываются в определение научной фантастики Цветаном Тодоровым как текстов, убеждающих читателей в существовании несуществующего [ТОДОРОВ 1999: 24-38], а с другой, этими описаниями авторы продолжают традицию русской классической литературы, собственно Льва Толстого, о противоестественности войны [САНАЕВА 2019: электронный ресурс]. Антивоенная тема не является редкостью

7 Четвертый образ главного героя Максима, образ заключенного-лагерника, одновременно послужил авторам ввести в свой текст множественные отсылки к «лагерной» литературе, явлению крайне щепетильному для исторического периода, когда появляется «Обитаемый остров». Осмелимся предположить, что таким образом братья Стругацкие могли выразить поддержку писателям «лагерникам», так как к концу 60-х и сами авторы становятся «диссидентами». Идеологическая позиция Стругацких в данный период хорошо освещена в статье Юлии Черняховской «Общественно-политические воззрения А. и Б. Стругацких в контексте советской политической истории 1960-х–1980-х» [ЧЕРНЯХОВСКАЯ 2012: 113-116].

в творчестве Стругацких, и поэтому они ей здесь придают особое значение.⁸ Для того, чтобы подчеркнуть трагический характер событий, авторы даже приуменьшают сверхчеловеческие способности Максима, и показывают ужасы войны с точки зрения обычного маленького человека, который пытается спасти свою жизнь среди всеобщих страданий. Эта задача была еще более осложнена тем фактом, что Максим и Гай Гаал были отправлены в качестве заключенных для разминирования минных полей перед наступающими войсками, что является еще одним свидетельством того, насколько дешевой может быть человеческая жизнь, когда решения о ней принимают люди, неспособные ценить жизнь как таковую. Именно в этом месте и обрывается история жизни одного из героев, Гая Гаала, и молодой землянин Максим, через потерю друга, получает возможность усвоить один из важнейших жизненных уроков.

Война в повести «Обитаемый остров» заканчивается поражением Страны Отцов. Этот исход, а также потеря близкого друга, укрепляют решимость Максима спасти население этого государства от того, что он начинает воспринимать как разрушительное воздействие радиационных вышек. Максим в итоге уничтожает Центр, из которого осуществляется управление всеми башнями, но это лишь приводит к очередному повороту. Братья Стругацкие здесь опять повторяют повествовательный прием расширения знания о мире, – Максим встречается со Странником, своеобразным антигероем повести, который раскрывает новые тайны и углубляет знания главного героя. Выясняется, что Странник тоже является землянином, более того, он обвиняет Максима в том, что тот своим вмешательством и суетой разрушил тщательно разработанный план спасения планеты Саракш. Ненавистные башни, которые представляли собой символ тирании руководства Страны Отцов, были также единственным способом защитить эту страну от намерений других стран напасть на нее, и их отрицательное воздействие на население одновременно сопровождалось положительным, так как при их отсутствии значительная часть населения страдает от ужасных последствий. Моральные ценности землянина Максима Каммерера таким образом переходят в амбивалентную позицию – со одной стороны, он остается романтическим героем, «идеальным» представителем человечества и борец за справедливость, а с другой он представлен в виде крайне трагической фигуры и одним из величайших преступников мира Саракш. Несмотря на все усилия и благие намерения Максима, его действия в итоге приносят лишь вред, страдания и беду.

Такая развязка превращает повесть братьев Стругацких в предупреждение о возможных последствиях любого необдуманного вмешательства. Е. Брандис считает, что с целью именно такого предупреждения *Обитаемый остров* изначально и был написан [БРАНДИС 1969: 198-206]. Структура самой повести представляет собой пятикратное преобразование главного героя: Робинзон – Гвардеец – Террорист – Каторжник – Землянин. Но каждое «преобразование» Каммерера сопровождается проблемой морального выбора, который стоит перед ним. Не случайно в ответах на многие вопросы в интервью, сам Борис Натанович лаконично отвечал:

8 О творчестве братьев Стругацких как модели использования фантастики ради борьбы за мир часто писал В. Гаков, см. Gakov V. In America - Alone and Unarmed: Travel Notes // Soviet Literature (Moscow). - 1988. - № 12. - P.160-168.

«Главная тема Стругацких – это выбор...» [ВИШНЕВСКИЙ 2003: 51]. Одновременно, каждый выбор главного героя, кроме того, что меняет его самого, меняет и его восприятие мира Саракш путем расширения знаний об истинных отношениях между цивилизациями, которые на нем существуют. Таким образом, лишь впоследствии предпринятых действий (будь то участие в операциях правоохранительных органов, ликвидация врагов государства, разрушение инфраструктуры, террористические акты, уничтожение центров пропаганды, военные действия и т.п.), герой осознает, что его выбор, на тот момент совершенно логичный и вписывающийся в традиционную систему ценности, на самом деле оказался неправильным. Если обобщить идею Стругацких, то можно сказать, что какими бы гуманными ни были намерения интервентов, необдуманные и поспешные действия, как правило, приводят к катастрофическим ситуациям. Эта простая истина находит свое подтверждение во многих случаях, как за время жизни и творчества самих авторов, так и по сей день.

Литература

- БАРТ 1989: Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика* / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
- БЕСТУЖЕВ-ЛАДА 1969: БЕСТУЖЕВ-ЛАДА И. «Этот удивительный мир». *Литературная газета*. М., 1969. - 3 сент.
- БРАНДИС 1969: БРАНДИС Е. Научная фантастика и моделирование мира будущего // *Нева* (Л.). - 1969. - № 2.
- БРЕЕВА 2015: БРЕЕВА Т.Н. «Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких „Мир полудня“». *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2. Гуманитарные науки 17.1 (136) (2015).
- ВИШНЕВСКИЙ 2003: Вишневецкий Б. *Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда*. – СПб.: Terra Fantastica, 2003.
- ГРОМОВА 1970: Громова А. Не созерцание, а исследование. *Литературная газета*. М. 1970. - 7 янв.
- КУМАНЬКОВ 2015: КУМАНЬКОВ А.Д. Этика военной интервенции. Аргумент Дж. Ст. Милля и его современное значение. *Вox/Голос: электронный философский журнал*. Выпуск 18 (июнь 2015). URL: <http://vox-journal.org> (дата обращения: 29.01.2025)
- ЗУСМАН 2003: Зусман В. Концепт в системе научного знания // *Вопросы литературы*. 2003. № 2.
- ЛАССУЭЛЛ 2021: Лассуэлл Г.Д. *Техника пропаганды в мировой войне*. Перевод с английского В.Г. Николаева. М.: РАН, ИНИОН, 2021. – 237 с.
- МАС 1985: *Малый академический словарь*. Т. I. Ред.: А.П. Евгеньева, М.: Русский язык, 1985.
- САНАЕВА 2019: САНАЕВА И.В. (2019) Концепция войны в мировоззрении Л.Н. Толстого. [электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kontseptsiya-vojny-v-mirovozzrenii-ln-tolstogo.html>, дата обращения: 30.01.2025.
- СЕРБИНЕНКО 1989: СЕРБИНЕНКО В. «Три века скитаний в мире утопии». *Новый мир* - № 5. М. 1989.
- ТОДОРОВ 1999: ТОДОРОВ Ц. *Введение в фантастическую литературу*. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- ЧЕРНЫШЕВА 1985: ЧЕРНЫШЕВА Т. А. *Природа фантастики*. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985.

- ЧЕРНЯХОВСКАЯ 2012: Черняховская Ю. Общественно-политические воззрения А. и Б. Стругацких в контексте советской политической истории 1960-х–1980-х. // *Власть*, 2012, № 3.
- GAKOV V. In America - Alone and Unarmed: Travel Notes // *Soviet Literature* (Moscow). - 1988. - № 12.
- LASSWELL 1938: LASSWELL H.D. *Propaganda Technique in the World War*. New York, 1938.

Источники

СТРУГАЦКИЕ 1971: СТРУГАЦКИЕ А. и Б. *Обитаемый остров*. Москва: «Детская литература», 1971.

Ненад Џ. Благојевић

МОРАЛНО-ЕТИЧКИ ПРОБЛЕМ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА НА ПРИМЕРУ ПОВЕСТИ
БРАЋЕ СТРУГАЦКИ *НАСЕЉЕНО ОСТРВО*

Резиме

Шездесетих година XX века чувени аутори руске школе научне фантастике браћа Стругацки објављују серију романа посвећених моралним обавезама појединца у сложеним ситуацијама. Фантастика је у њиховим делима била само предложак за озбиљно разматрање морала и одговорности човека у савременом свету, при чему је од посебне важности било то што аутори нису робовали ниједном у то време актуелном идеолошком систему, већ су увек и до краја остали верни принципима хуманизма. Својеврсни врхунац тог правца њиховог стваралаштва достугнут је у повести *Насељено острво* (1969), који је услед своје слојевитости обухватио широк спектар тема од значаја за свет у којем су аутори живели и стварали. Акценат се у овом раду ставља на проблем интервенционизма и моралних питања која из њега произилазе. Уједно се подвлаче и неке паралеле са неким глобалним догађајима које су могле да инспиришу ауторе на такав приступ. Узимајући у обзир да морална страна проблема интервенционизма и у данашње време остаје актуелна, ова повест браће Стругацки као да се преображава у текст упозорења.

Кључне речи: „Насељено острво“, браћа Стругацки, интервенционизам, жанр упозорења, научна фантастика